

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Шиханов В.Н. — К вопросу о типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностях их криминологического сопровождения // Право и политика. – 2023. – № 9. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.9.44166
EDN: ZYEHSD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44166

К вопросу о типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностях их криминологического сопровождения

Шиханов Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-9751-0714

кандидат юридических наук

профессор, кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

664035, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, оф. 205

✉ shikhanovn@rambler.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.9.44166

EDN:

ZYEHSD

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2023

Аннотация: Объектом исследования является уголовно-правовое воздействие – правовое явление, которое разрабатывается в отечественном уголовном праве, однако ещё не вошло в текст уголовного закона и пока не стало привычным в кругу правоведов ввиду непрекращающихся дискуссий о его содержании, месте в системе правового регулирования и механизме действия. Усилия автора направлены на дальнейшее изучение уголовно-правового воздействия. Предметом исследования выступают, во-первых, типология механизмов уголовно-правового воздействия, а во-вторых, возможности и способы криминологического сопровождения таких механизмов. В основание проведённой типологии положены разные типы уголовно-правовой рациональности, которые, в свою очередь, через правовое сознание и правовую культуру задают разные ожидания от применения уголовного закона в разных случаях. Автор обращает внимание на то, что попытка представить механизм уголовно-правового воздействия как единое явление, а также усилия правоведов по разработке универсальных методик криминологического обоснования уголовно-правового запрета

сталкиваются с серьёзными трудностями. Для их преодоления предлагается выделить три типа механизма уголовно-правового воздействия, а также сфокусировать внимание не столько на обосновании решений о криминализации либо декриминализации, сколько на криминологическом сопровождении процесса уголовно-правового воздействия с учётом проведённой типологии. Предложены основные способы криминологического сопровождения каждого типа механизма уголовно-правового воздействия. Учитывая особенности функционирования системы социального контроля, для каждого типа предложены отдельные рекомендации по снижению либо усилению процессов стигматизации правонарушителей.

Ключевые слова:

уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое регулирование, уголовная политика, уголовная ответственность, правосознание, правовая культура, предупреждение преступлений, цели наказания, криминализация, дифференциация уголовной ответственности

В кругу правоведов и практикующих юристов вопрос о том, что уголовно-правовой запрет должен быть криминологически обоснован, представляется трюизмом. Обратное утверждение как правило используется для описания нынешнего состояния законодательной работы в нашей стране (разумеется, в негативном ключе) [\[1, с. 764-768\]](#). Криминализации и декриминализации посвящено множество работ, в том числе в составе солидных авторских коллективов, разработано множество подходов для приведения этих процессов к некоторому единому знаменателю, выдвинуто большое количество научно обоснованных предложений, заслуживающих внимания.

Вместе с тем, общепринятой (а по ряду более критичных замечаний – даже удовлетворительной) методики криминологического обоснования в науках уголовного права и криминологии не выработано [\[2, с. 150\]](#). На наш взгляд, этому есть несколько причин.

Первая. По многим криминологическим показателям не существует линейных вариантов принятия решения. Порой требуется не просто учёт системы таких (чаще – статистических) показателей, но и творческий элемент, научный, правоприменительный и жизненный опыт. Видные правоведы неоднократно отмечали, что, например, распространённость какого-то деяния, и даже его рост в количественном выражении отнюдь необязательно означают повышение степени общественной опасности, поскольку могут быть индикатором изменения социальной нормы и стать поводом для декриминализации либо депенализации таких поведенческих актов [\[3, с. 103-105; 4, с. 4-6; 5, с. 117-118\]](#).

Не менее важным является то обстоятельство, что на решение об установлении уголовно-правового запрета и проведение пенализации влияет мировоззренческая позиция авторов такого уголовно-политического решения (или собственно законодателя). Ярким примером может являться отношение разных правоведов и политиков к преступлениям в сфере экономической деятельности, к наказанию в виде конфискации имущества, в виде смертной казни, к декриминализации побоев и т.п. На страницах юридической печати и в выступлениях на конференции приводятся зеркальные аргументы: представляет повышенную общественную опасность / не

представляет общественной опасности; остудит горячие головы / ни к чему не приведёт; оказывает положительное влияние на охраняемые общественные отношения / оказывает негативное влияние на общественные отношения, и т.п.

На позицию представителей правоприменительных органов в вопросах оценки общественной опасности тех или иных деяний, в вопросах криминализации и декриминализации (в качестве субъектов законодательной инициативы) дополнительное влияние оказывает служебная прагматика, в том числе рефлексия по поводу своей миссии в системе социального контроля, и даже система статистических показателей, по которым правоохранительным органам даётся оценка на предмет эффективности работы. Иными словами, необходимо учитывать миссию правоохранительных органов в механизме уголовно-правового регулирования, однако в этом направлении многие вопросы ещё остаются малоизученными.

В таких условиях создание математически выверенной матрицы, позволяющей сочетать статистические данные с этическими категориями, с духом эпохи, и чтобы при этом нивелировать разные мировоззренческие установки участников процесса создания либо изменения уголовно-правовой нормы, оказывается крайне затруднительным занятием. Как минимум, при отсутствии идеологии, которая определяла бы и контролировала мировоззренческую позицию всех.

Вторая проблема оказалась не менее значимой. С середины XX века в России возник спрос политической власти на научное обоснование проводимой уголовной политики. Попытки сменить тип уголовно-правовой рациональности сопровождались выходом юридической доктрины за пределы собственно правовой материи, проведением серьёзных исследований относительно оснований и правил криминализации и декриминализации, эффективности правовых норм, эффективности уголовных наказаний, в области пенитенциарной психологии и педагогики.

Этот период развития юридической науки, существенно обогатившейся достижениями смежных общественных и гуманитарных наук (и даже естественных и точных), дал очень многое в понимании правосознания, правового поведения, возможностей уголовного права и уголовной юстиции вообще, однако в настоящее время эти достижения слабо востребованы, и об этой ситуации сказано много.

Следует признать, что прежний симбиоз политических властей и юридической науки был возможен исключительно ввиду желания самих властей. Романтические представления правоведов о возможности управлять политическими властями в вопросах, что и как запрещать, как наказывать и как миловать, оказались утопией [\[6, с. 70; 7, с. 226-227\]](#). Иными словами, разработка (стараниями науки) методик создания уголовно-правовой нормы – это вполне определённое посягательство на политический суверенитет, даже если за таким суверенитетом, увы, скрывается политический произвол и недалёковидность. В ближайшем обозримом будущем новый период симбиоза юридической науки и политической власти не просматривается, в том числе ввиду взаимных упрёков правоведов и политиков в рамках уголовно-политического дискурса.

Третья проблема. В современной концепции государственного управления (которая немало опирается на неолиберальные представления и в целом предназначена приспособить инструменты правового регулирования к условиям общества постмодерна) уголовное право рассматривается не только с позиции прежних архаичных представлений о нём, и даже не столько с позиции научных представлений об охранительной, регулятивной или воспитательной функциях. За уголовным правом

видится коммуникативная роль, и адресатом уголовно-правовых запретов (или поправок, вносимых в уголовный закон) зачастую оказывается население, испытывающее потребность в безопасности – и оно получает символы этой безопасности, потребляет их таким образом [\[8, с. 73; 9, с. 1384-1388\]](#).

Отрицать эту сторону уголовного права сложно, исключить в ближайшем обозримом будущем, по всей видимости, не удастся, поскольку политическая власть не рискнёт отказаться от такой возможности работы с электоратом, от такого пути поддержания своей легитимности. На страницах юридической литературы правилам криминологического (и уголовно-политического) обоснования уголовно-правовых норм через призму коммуникативной функции уголовного права внимание уже уделяется [\[10\]](#), однако, к сожалению, недостаточно. В результате дискурс ещё не сложился и заинтересовать законодателя в этом плане правоведы пока не смогли.

Можно предположить, что сочетание даже этих трёх названных проблем может оказаться непреодолимым препятствием для разработки механизмов или методик криминологического обоснования уголовно-правовых норм – по крайней мере, в виде концепций, внедрённых в законотворческую практику.

На наш взгляд, более продуктивным будет являться иной подход с разворотом проблемы под другим углом. В настоящее время уголовно-правовая доктрина демонстрирует смещение фокуса со связки «преступление» - «наказание» & «иные меры уголовно-правового характера» на концепт «преступление» - «преступник» - «общество» - «уголовно-правовое воздействие» [\[11, с. 87-111\]](#). Категория «уголовно-правовое воздействие», пока ещё не представленная в тексте уголовного закона, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции, вместе с тем, используется правоведами (оставаясь дискуссионной по содержанию, а потому не общепринятой).

В большинстве работ по вопросам механизма уголовно-правового воздействия, его структуры и места в правовом регулировании (или правовой охране) общественных отношений проводятся попытки выявить его уникальную природу и описать его как единый и универсальный [\[12, с. 278-347\]](#).

Это неудивительно, поскольку в уголовно-правовой науке достаточно давно сложилось представление об общих уникальных и объединяющих чертах всех уголовно-правовых норм, благодаря которым они сводятся в одну отрасль (хотя следует отметить и серьёзные попытки пересмотра такого положения вещей в концепции criminal matter, в том числе в решениях Европейского Суда по правам человека [\[11, с. 111-120\]](#)), о правилах систематизации норм и институтов уголовного права, когда его положения делятся на Общую и Особенную часть и должны подчиняться единой логике построения, внутренним связям. Наблюдаемая сегодня декодификация, нарушение системных связей в уголовном законе, а отсюда и в отрасли уголовного права, закономерно рассматриваются как угрозы нормальной работе всего процесса уголовно-правового воздействия.

Вместе с тем, изменяющееся уголовное право, а также факт придания ему новых функций в рамках уголовной политики позволяют обнаружить, что механизм уголовно-правового воздействия не является единым. На самом деле, таких механизмов несколько. Они формируются порой путём уголовно-политических проб и ошибок, а также благодаря влиянию правоприменительной практики и судебного нормативного

толкования, роль которых отрицать уже невозможно.

К настоящему времени, на наш взгляд, можно выделить как минимум три варианта механизма уголовно-правового воздействия, каждый из которых обладает специфическим функционалом. В основе такого разграничения находится не операция классификации, а типологизация, а потому указанные ниже варианты механизмов уголовно-правового воздействия следует называть типами:

1. возмездный (предполагает воздаяние, по терминологии некоторых правоведов – кару, а также обеспечение безопасности граждан от лица, совершившего преступление);
2. превентивный (устрашение потенциальных нарушителей, когда ожидаемые потери, предусмотренные уголовным законом и обеспечиваемые правоприменительной практикой, должны существенно перевешивать планируемые выгоды от преступления);
3. исправительный (меры уголовно-правового воздействия направлены преимущественно на оказание исправительного воздействия и ресоциализацию в целях предупреждения повторного преступного поведения).

В таком случае роль криминологии в вопросах взаимодействия с уголовным правом оказывается продуктивной, но не в попытках навязать политической власти свои правила криминализации, а в сопровождении работы таких механизмов уголовно-правового воздействия при создании уголовно-правовых норм, в процессе их действия, а также при их применении.

Деление механизмов уголовно-правового воздействия на типы строится на разности типов уголовно-правовой рациональности, сосуществующих в отечественном уголовном праве, т.е. на разности таких мировоззренческих конструкций, которые играют роль методологического обоснования знания, проводят демаркацию последнего на научное и ненаучное, самоочевидно верное и неверное [\[13, с. 92-127\]](#).

Типов уголовно-правовой рациональности, как и рациональности вообще, можно выделять достаточно много, в зависимости от целей исследования. Вместе с тем, применительно к российскому уголовному праву имеются достаточные основания утверждать, что самым ранним типом был мифологический с целым рядом черт, присущих мировоззренческим установкам, а потому и правосознанию всех древних этносов. Начавшись с этого самого архаичного содержания уголовно-правовая рациональность в процессе эволюции государства и права, политических и экономических отношений, и в итоге вследствие изменений в правовой культуре сталкивалась с попыткой её замены на другие. Этот процесс закономерно происходит в любом государстве вследствие внедрения других подходов к пониманию преступления, наказания, роли уголовного права в регулировании общественных отношений (например, социологическая школа, экономический подход, течение аболяционистов, и др.).

Такие попытки смены типа рациональности были небезуспешными, однако полностью вытеснить древние мифологические элементы не удалось ни в одной стране. Каждый тип рациональности, разумеется, связан с такими особенностями коллективного уголовно-правового сознания, которые содержатся в культурно-символическом обосновании уголовно-правового запрета, задают неодинаковое отношение к преступлениям разных видов и соответствующие ожидания от применения уголовного закона в разных обстоятельствах. Всё это, с одной стороны, создаёт достаточно пёструю картину в структуре уголовно-правовой культуры, но с другой позволяет понять целый ряд аномалий, накопившихся в доктрине уголовного права, уголовной политике, уголовном

законе и правоприменительной практике. Это, например, вердикты, выносимые судом присяжных, когда они противоречат элементарному юридическому опыту, а подчас и формальной логике; это и неудачные попытки описать универсальность всех целей уголовного наказания; и выбивающиеся из научных концепций подходы политической власти к криминализации, декриминализации, пенализации общественно опасных деяний; и расхождения в оценках общественной опасности тех или иных деяний между законодателем, устанавливающим суровые санкции в статьях Особенной части, и правоприменителями, которые активно используют потенциал глав 11 и 12 УК РФ по делам об этих преступлениях, и даже непрекращающиеся споры между правоведами по достаточно застарелым, но концептуальным вопросам уголовного права. Поняв основания и происхождение таких аномалий, доктрина получает возможность их решить. Перейдём непосредственно к описанию предлагаемых нами типов механизма уголовно-правового воздействия.

Первый тип механизма уголовно-правового воздействия – возмездный – основан на мифологической части уголовно-правового сознания и соответствующем (мифологическом, архаичном, но очень живучем) типе рациональности. Он предполагает в первую очередь воздаяние (вплоть до возмездия), со стремлением обеспечить эквивалентность тяжести наказания тому вреду, который причинён преступником. Вопросы исправления в таком случае являются наименее актуальными, а вопрос защиты общества от тех, кто совершил подобные преступления – целесообразным, но всё же дополнительным к воздаянию.

Восстановление нарушенных общественных отношений в буквальном понимании в таких случаях невозможно, поскольку уголовный закон и обвинительный приговор суда, а равно исполнение уголовного наказания не могут сделать бывшее «не-бывшим». Здесь мы и сталкиваемся с одной из точек разлома уголовно-правовой доктрины (например, на сторонников и противников смертной казни, на сторонников и противников вообще представлений о восстанавливающих способностях уголовного наказания). Восстановление здесь, конечно, происходит, но в рамках уголовно-правового сознания, опирающегося на мифологический тип рациональности, в ходе специфического культурно-символического обмена [\[14, с. 132-136\]](#), обеспеченного актом правосудия и исполнением этого акта. Иными словами, восстанавливается прежний баланс сил, утверждается обязательность закона, легитимность и неприкосновенность суверенитета власти, издавшей закон, и монополия государства на насилие. Насколько этот концепт и такая цель наказания важны в постсовременном государстве (и обществе, которое не считает себя архаичным) – вопрос дискуссионный и требующий отдельного обсуждения [\[15, с. 106-107\]](#).

Говоря более сухим юридическим языком, при работе первого типа механизма уголовно-правового воздействия происходит восстановление не конкретного общественного отношения вообще, а определённой их совокупности, когда речь ведётся не об определённом потерпевшем, а, например, о правах и свободах человека и гражданина, ведь уголовная юстиция в таком случае утверждает, что они по-прежнему являются высшей ценностью. Среди постулатов классической школы уголовного права этот акт восстановления выстроен так: преступление есть волевой акт, отрицающий закон (право), а наказание – это акт отрицания воли, отрицающей закон (право) [\[16, с. 80\]](#). Именно с этим связаны поиски соразмерности преступлений и наказаний, их эквивалентности по тяжести, риторика о неотвратимости реакции на каждый случай нарушения закона, когда решение суда должно обеспечить воздаяние виновному.

Криминологическое сопровождение такого механизма уголовно-правового воздействия предполагает, во-первых, выявление уголовно-правовых запретов с этим мифологическим смысловым каркасом, с соответствующими ожиданиями в обществе. Идеи медиации и восстановительного правосудия в случаях конструирования и применения норм о таких преступлениях натолкнутся на непонимание большинства населения и, соответственно, спровоцируют процессы делегитимации закона, политической власти, органов уголовной юстиции. За такими процессами могут следовать акты внесудебных расправ.

Поскольку правовая культура общества и её уголовно-правовая составляющая подвержены трансформациям, постольку нужен периодический мониторинг перечня уголовно-правовых норм, основанных на мифологическом типе рациональности. И если, например, швейцарцы или норвежцы готовы понять и простить тех, по чьей вине погибло множество людей, а также считают достаточным и правильным использование мер социальной реабилитации виновных с обеспечением высокого уровня их жизни на стадии исполнения мер уголовно-правового воздействия, то российскому обществу на данном этапе эта форма правовой реакции покажется попустительством, бессилием или издевательством над традиционной системой ценностей. С другой стороны, население со временем может вполне безболезненно соглашаться на переход к другим типам механизма уголовно-правового воздействия по тем или иным преступлениям, отдавать предпочтение, например, мерам исправления и ресоциализации, разрешению конфликта взамен возмездия.

Примечательны в этом отношении разноплановые законодательные инициативы (часть из которых реализована). С одной стороны это декриминализация побоев, произошедшая в связи с принятием федерального закона от 03 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (Российская газета от 08 июля 2016 года № 149).

На страницах юридической печати были высказаны разные точки зрения, в том числе немало опасений развития безнаказанности, роста количества преступлений против личности [\[17, с. 162; 18, с. 132-135; 19, с. 128-130\]](#). Вместе с тем, мрачные прогнозы не оправдались, а население в целом не заметило этой декриминализации, положительно относясь в том числе к мерам административно-правовой реакции на такие инциденты. Можно сказать, что побои не находятся в числе тех посягательств, которые у большинства граждан вызывают чувство потребности в отмщении средствами уголовного наказания, а потому и механизм реакции со стороны органов публичной власти может быть иным.

Но с другой стороны Верховный Суд Российской Федерации выступил с законодательной инициативой отказаться от уголовных дел частного обвинения (законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 1161 и частью первой статьи 1281 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7>).

И если прежняя концепция уголовно-процессуальной политики учитывала элементы восстановительного правосудия, ориентировала частных обвинителей и обвиняемых примириться (гарантируя отсутствие правовых последствий в соответствии с ч. 2 ст. 20

УПК РФ), то Верховный Суд предложил изменить в том числе и механизм уголовно-правового воздействия за счёт перевода всех таких преступлений к категории дел частного-публичного и публичного. Своё решение Высшая судебная инстанция мотивировала стремлением повысить защиту конституционных прав граждан от преступных посягательств.

Судя по текстам пояснительных записок к упомянутым закону и законопроекту, вопросы отношения населения к правовым запретам, кочующим между УК РФ, КоАП и разными режимами уголовного преследования в УПК РФ, а равно вопросы ожидания той или иной модели реакции органов уголовной юстиции не исследовались. Полагаем, это и есть одно из необходимых, но пока не востребованных направлений криминологического сопровождения механизмов уголовно-правового воздействия.

Процессы стигматизации в случае действия возмездного типа механизма уголовно-правового воздействия уместны и во многом даже полезны – здесь мы солидарны с позицией Э. Дюркгейма: «Преступление, как мы показали в другом месте, представляет собой действие, оскорбляющее известные коллективные чувства, наделенные особой энергией и отчетливостью. Для того чтобы в данном обществе перестали совершаться действия, признаваемые преступными, нужно было бы, чтобы оскорбляемые ими чувства встречались во всех индивидуальных сознаниях без исключения и с той степенью силы, какая необходима для того, чтобы сдерживать противоположные чувства. ... Действительно, для того чтобы коллективные чувства, которые защищает уголовное право данного народа в данный момент его истории, проникли в сознания, до тех пор для них закрытые, или получили бы большую власть там, где до той поры у них ее было недостаточно, нужно, чтобы они приобрели большую интенсивность, чем та, которая у них была раньше. Нужно, чтобы для общества в целом эти чувства обрели большую энергию, так как из другого источника они не могут почерпнуть силу, необходимую для проникновения в индивидов, дотоле к ним особенно невосприимчивых. Для того чтобы исчезли убийцы, нужно, чтобы увеличилось отвращение к пролитой крови в тех социальных слоях, из которых формируются ряды убийц, а для этого нужно, чтобы оно увеличилось во всем обществе. Притом само отсутствие преступления прямо способствовало бы достижению этого результата, так как чувство кажется гораздо более достойным уважения, когда его всегда и неизменно уважают» [\[20, с. 180\]](#). Добавим лишь, что для усиления тех коллективных чувств, о которых говорил известный социолог, с позиции криминологии и апробированных практик противодействия преступности необязательно дожидаться увеличения количества преступлений и возникновения чувства тревоги в обществе, равно как было бы утопичным надеяться на исчезновение преступлений. Результата можно добиться с помощью инструментов социальной рекламы и правового просвещения, а также в процессе повседневной воспитательной работы. Такая работа с уголовно-правовым сознанием позволяет легитимировать в том числе и применяемые меры уголовно-правового воздействия [\[21, с. 291\]](#).

Значит, подобранные способы доведения информации о лицах, совершивших такие преступления, когда мы обращаемся к общественным чувствам потребности в воздаянии, возмездии, хотя и будут усиливать стигматизацию осуждённых, однако позволяют добиваться в обществе сплочения вокруг защищаемых ценностей, имеющих важное значение (до сакрального, как в случае с жизнью или половой свободой и половой неприкосновенностью).

Наказания в таких случаях должны предполагать лишение свободы на достаточно длительные сроки с ограничением возможности назначения его условно или

освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, возвращение преступников из исправительных учреждений в таких случаях нередко ожидается, а потому в качестве криминологического сопровождения необходима индивидуальная профилактическая работа, в том числе, как верно подмечают Ю. М. Антонян [\[22, с. 412\]](#) и Е. С. Стешич [\[23, с. 256–280\]](#), обращение к особенностям личностных дефектов, а также феноменам индивидуального и коллективного бессознательного для развития самоконтроля и корректировки реакций на типичные ситуации, в которых лицо совершило преступление и может это повторить.

Второй тип механизма уголовно-правового воздействия (превентивный) основан на подходе утилитаристов [\[24, с. 224–225, 243\]](#) и разработках экономической теории в уголовном праве [\[25, с. 313–328; 26; 27, с. 64–75\]](#). Ему соответствует вполне определённый тип рациональности, получивший своё небольшое развитие в странах с протестантской культурой. В этом случае уголовно-правовое воздействие предполагает угрозу существенными потерями (зачастую в имущественном отношении) и ограничением возможностей вертикальной социальной и экономической мобильности, а потому в большей степени ориентировано на представителей среднего класса и верха пирамиды социальной стратификации. Результат применения такого типа механизма уголовно-правового воздействия с одной стороны должен снижать издержки на содержание органов уголовной юстиции, а с другой – гарантированно понижать виновное лицо в социальном и экономическом статусе, обеспечивать невыгодность совершения преступления с рациональной точки зрения, поскольку выгоды от его совершения должны оказываться кратно меньшими.

Криминологическое сопровождение такого типа механизма уголовно-правового воздействия должно определять параметры санкции и аргументы для её расчёта: степень латентности (вероятность поимки обратно пропорциональна суровости санкции), трудозатратность процесса расследования, возможность исполнения приговора и принятия обеспечительных мер, оказание влияния санкций, применяемых к нарушителям закона, на регулируемую сферу общественных отношений в целом. Современные развитые капиталистические страны обладают достаточно богатым опытом использования такого механизма уголовно-правового воздействия, в том числе способов принуждения к исполнению приговора суда.

В рамках превентивного механизма уголовно-правового воздействия стигматизация также приветствуется. Продукты социальной рекламы могут проблематизировать криминальную ситуацию «стремление к личному обогащению за счёт ущемления экономических или экологических интересов обывателей (под которым многие адресаты социальной рекламы увидят себя), а также таких общественных интересов, которые находят отклик в обществе». Определённое распространение информации из судебной практики о тех, кто вследствие совершения преступления потерпел социальное фиаско, будет подкреплять действие уголовно-правовых запретов.

Вместе с тем, стигматизация в этих случаях должна быть умеренной, направленной на блокирование путей возвращения лиц, осуждённых за такие преступления, на прежние слои социально-экономической стратификации.

При этом уголовно-правовые средства могут допускать освобождение от уголовной ответственности или назначение наказания условно в случае кратного возмещения причинённого вреда (или же кратного превышения произведённых выплат в бюджет над размером незаконной прибыли).

Индивидуальная профилактика в этих случаях имеет, на наш взгляд, низкую эффективность, поскольку перед нами преимущественно оказываются лица, которые в условиях аномии (по Р.К. Мертону) выбирают инновационный тип реакции, а в целом вполне укладываются в образ рационального представителя капиталистического общества. Вместе с тем, для криминологии могут представлять интерес феномены культуры (в том числе субкультур, корпоративных норм) и бессознательного [\[22, с. 403-406\]](#), вследствие которых лица совершают преступления формально под влиянием рационального расчёта, но на самом деле стремятся удовлетворять некоторые смутно осознаваемые (например, вытесненные) потребности.

Криминологическое исследование типичного представителя соответствующих преступлений необходимо для конструирования эффективной санкции уголовно-правовой нормы Особенной части и проработки норм об освобождении от уголовной ответственности или наказания.

Третий тип механизма уголовно-правового воздействия – исправительный – опирается на другой тип рациональности; условно назовём его научным, поскольку он связан с развитием общественных и гуманитарных наук на протяжении двух прошлых столетий, а также с постановкой вопроса о детерминантах преступного поведения, с поиском возможностей средствами уголовного права, криминологии, других сфер человеческого научного знания минимизировать (либо полностью искоренить) преступность. Пожалуй, центральными являются вопросы свободы воли в преступном поведении, свойства и качества личности, приводящие к нарушению закона, но поддающиеся коррекции, в целом дискурс об исправлении, ресоциализации, перевоспитании бывших преступников.

Помимо преступления в фокусе внимания и, соответственно, уголовно-правового воздействия в таком случае оказываются семья, процесс социализации индивида, влияние внешних негативных факторов (пьянства, бедности, микросреды). Механизм уголовно-правового воздействия в данном случае должен создавать условия для применения мер индивидуальной криминологической профилактики и помощи в ресоциализации, в повышении дисциплины и самоконтроля, с минимальной стигматизацией преступника, но возможностью усиления осуществляемого надзора.

Кроме того, криминологическое сопровождение в таких случаях должно включать проведение культурно-воспитательных мероприятий в рамках специальной криминологической профилактики, прежде всего – средствами социальной рекламы, чтобы не представлять типичных граждан, совершающих такие преступления, в качестве врагов, т.е. минимизировать стигматизацию.

Работа по определению типичного представителя нашего общества, нарушающего уголовно-правовые запреты, построенные на третьем типе механизма воздействия, а также подбор самих мер уголовно-правового воздействия необходимы, с одной стороны, для реакции на факт нарушения границ нормы и девиации, а с другой стороны – для помощи в преодолении влияния тех самых негативных факторов, для разрешения конфликта. Полагаем, именно этот механизм уголовно-правового воздействия может быть связан с таким явлением как «уголовный проступок», если уголовное право развивать в таком направлении.

Полагаем, результаты достаточно избыточной криминализации, имевшей место в последнее десятилетие в России, требуют проведения ревизии. При этом мы должны понимать, что заставить политические власти отказаться от коммуникативной функции уголовного права скорее всего невозможно. На наш взгляд, составы преступлений,

появившиеся в результате новой криминализации, требуют их разбора по подходящим типам механизма уголовно-правового воздействия с модификацией санкций, а быть может и схемой дифференциации уголовной ответственности.

Нормы, не вписывающиеся в названные типы механизма, вполне могут быть декриминализированы. В частности, уголовно-правовые запреты или их части, созданные ради удовлетворения потребности населения в медийных эффектах, в демонстрации готовности государства защищать те или иные ценности, должны быть функциональны и отражать тот тип рациональности, в рамках которого общество проявляет названные выше потребности и ожидает соответствующих результатов применения уголовного закона.

В завершение настоящей статьи заметим, что криминология не может и не должна сводиться к сопровождению уголовно-правовых запретов, а сама такая деятельность не меняет предметной области криминологической науки и не видоизменяет направлений её развития. Многие результаты, получаемые криминологами, полезны для противодействия преступности, но очевидно безынтересны для уголовного права, и наоборот. Подспудная задача нашего исследования - взглянуть под другим углом на проблему криминологического обоснования уголовно-правового запрета и тем самым попытаться реанимировать связи уголовного права и криминологии, которые в настоящее время проходят проверку на прочность.

Библиография

1. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
2. Савенок А.Л. О криминологической обусловленности уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 2 (22). С. 148–153.
3. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103–107.
4. Кузнецова Н.Ф. Условия эффективности уголовного закона // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1977. С. 3–16.
5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009.
6. Наумов А.В. Рецензия на монографию: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. – 256 с. // Уголовное право. 2021. № 6. С. 66–70.
7. Разогреева А.М. Пост(советская) административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016 года), под ред. В.С. Комиссарова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 225–228.
8. Гуринская А.Л. Дискуссионные теории криминализации и декриминализации деяний с точки зрения современной криминологической теории // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016) / Отв. ред. В. С. Комиссаров. Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 71–75.
9. Давыдова К.В., Разогреева А.М. Аналитика криминализации: глубина против поверхности (на примере законов «о пьяных за рулем») // Право и политика. 2015. № 10 (190). С. 1384–1388. doi: 10.7256/1811-9018.2015.10.16380.

10. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020.
11. Хилjuta В.В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития): монография. М.: Юрлитинформ, 2023.
12. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дисс. д-ра юрид. наук. 12.00.08. Омск: Омская академия МВД России, 2013.
13. Шиханов В.Н. Методологические проблемы уголовного права и криминологии: эпистемологический ракурс : монография / Под ред. Э.Г. Юзихановой. М.: ИНФРА-М, 2023.
14. Gephard W. Recht als Kultur. Zur kultursociologischen Analyse des Rechts. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann, 2006. (S. 132–136)
15. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021.
16. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизации и тенденции развития: монография / М.М. Бабаев, А.В. Звонов, Р.В. Килимбаев, Л.Л. Кругликов, В.Ф. Лапшин, Ю.Е. Пудовочкин, С.В. Розенко, под ред. В.Ф. Лапшина. М.: Юрлитинформ, 2018.
17. Сабанин С.Н., Крюков К.Г. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 160–166.
18. Эргашева З.Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 132–135.
19. Жилина Н.Ю., Савельева И.В. Терещенко В.И. Декриминализация побоев: «за» и «против» // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 128–130.
20. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
21. Ruggerio V. Coclusion // Punishment in Europe: A Critical Anatomy of Penal Systems. Ruggerio V., Ryan M. (Eds.) Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
22. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Ю.М. Антонян, В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, Б.В. Волженкин, Г.Н. Горшенков, П.А. Кабанов, В.В. Колесников, С.Ф. Милюков, В.А. Номоконов; науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.
23. Стешич Е.С. Криминология гомицида : монография / Под ред. Д.А. Корецкого. М.: Юрлитинформ, 2019.
24. Беккариа Ч.О преступлениях и наказаниях / Биогр. очерк и перевод проф. М. М. Исаева. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939.
25. Беккер Г.С. Человеческое поведение. Экономический подход / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
26. New perspectives on economic crime / Ed. By Hans Sjorgen, Göran Skogh. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2004.
27. Библик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр, 2021.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы типологии механизмов уголовно-правового воздействия и возможностей их криминологического сопровождения. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, исторический, герменевтический методы исследования, а также методы правового моделирования и правового прогнозирования.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обоснована им достаточно подробно: "В кругу правоведов и практикующих юристов вопрос о том, что уголовно-правовой запрет должен быть криминологически обоснован, представляется трюизмом. Обратное утверждение как правило используется для описания нынешнего состояния законодательной работы в нашей стране (разумеется, в негативном ключе) [1, с. 764–768]. Криминализации и декриминализации посвящено множество работ, в том числе в составе солидных авторских коллективов, разработано множество подходов для приведения этих процессов к некоторому единому знаменателю, выдвинуто большое количество научно обоснованных предложений, заслуживающих внимания. Вместе с тем, общепринятой (а по ряду более критичных замечаний – даже удовлетворительной) методики криминологического обоснования в науках уголовного права и криминологии не выработано [2, с. 150]".

Научная новизна работы проявляется в выявлении автором трех основных проблем, препятствующих разработке механизмов (методик) криминологического обоснования уголовно-правовых норм; а также в выделении и подробном описании трех вариантов механизма уголовно-правового воздействия: возмездного, превентивного и исправительного. Как справедливо отмечено ученым, "Всё это, с одной стороны, создаёт достаточно пёструю картину в структуре уголовно-правовой культуры, но с другой позволяет понять целый ряд аномалий, накопившихся в доктрине уголовного права, уголовной политике, уголовном законе и правоприменительной практике". Работа выполнена на достаточно высоком академическом уровне; она вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи ученый подробно рассматривает проблемы, препятствующие разработке механизмов (методик) криминологического обоснования уголовно-правовых норм; а также выделяет три варианта механизма уголовно-правового воздействия: возмездный, превентивный и исправительный, попутно описывая типы уголовно-правовой рациональности. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 26 источниками (монографиями, учебниками, научными статьями, аналитическими и критическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. Н. Сабанин, К. Г.

Крюков, З. Э. Эргашева и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("... результаты достаточно избыточной криминализации, имевшей место в последнее десятилетие в России, требуют проведения ревизии. При этом мы должны помнить, что заставить политические власти отказаться от коммуникативной функции уголовного права скорее всего невозможно. На наш взгляд, составы преступлений, появившиеся в результате новой криминализации, требуют их разбора по подходящим типам механизма уголовно-правового воздействия с модификацией санкций, а быть может и схемой дифференциации уголовной ответственности. Нормы, не вписывающиеся в названные типы механизма, вполне могут быть декриминализированы. В частности, уголовно-правовые запреты или их части, созданные ради удовлетворения потребности населения в медийных эффектах, в демонстрации готовности государства защищать те или иные ценности, должны быть функциональны и отражать тот тип рациональности, в рамках которого общество проявляет названные выше потребности и ожидает соответствующих результатов применения уголовного закона.

В завершение настоящей статьи заметим, что криминология не может и не должна сводиться к сопровождению уголовно-правовых запретов, а сама такая деятельность не меняет предметной области криминологической науки и не видоизменяет направлений её развития. Многие результаты, получаемые криминологами, полезны для противодействия преступности, но очевидно безынтересны для уголовного права, и наоборот. Подспудная задача нашего исследования - взглянуть под другим углом на проблему криминологического обоснования уголовно-правового запрета и тем самым попытаться реанимировать связи уголовного права и криминологии, которые в настоящее время проходят проверку на прочность"), они достоверны, обоснованы и заслуживают внимания потенциальных читателей.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании автором. В ней встречаются опечатки. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и криминологии при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и устранении нарушений в оформлении работы.